

М. Б. Медникова

НЕИЗГЛАДИМЫЕ ЗНАКИ

татуировка
как исторический
источник

© Языки славянской культуры. Электронная версия книги. 2007

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2007

ББК 28
М 42

Исследование выполнено в Институте археологии РАН
в рамках тем «Природа и культура в морфологии человека»
и частично «Методы изучения процессов адаптации
в древних популяциях человека»

Медникова М. Б.

М 42 Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 216 с., ил. — (Studia naturalia). (Вклейка после с. 96)

ISBN 5-9551-0211-6

В отличие от других способов менять свою внешность — причесок или грима — татуировка остается навсегда. Неслучайно в глазах многих древних народов ее нанесение было делом нелегкомысленным. Когда-то жители Борнео верили, что их рисунки действуют как факелы, освещая путь умершим в кромешной темноте царства мертвых. Древние греки и римляне использовали татуировки как наказание. Для алтайских скифов наколка служила воплощением священного текста. Чем же объяснить современную популярность манипуляций с телом? Может быть, первобытное мышление не покинуло нас безвозвратно?

В книге антрополога, доктора исторических наук М. Б. Медниковой татуировки и прочие неизгладимые знаки искусственного происхождения на теле человека рассматриваются как исторический источник. Привлекаются свидетельства археологии, физической и социальной антропологии, фольклористики, анализируются памятники древней письменности. Книга содержит разработку оригинальных научных идей, подаваемых, по возможности, в достаточно популярной манере, что позволит воспользоваться этими данными специалистам разных отраслей знания.

Издание предназначено для антропологов, культурологов, историков, археологов и самого широкого круга читателей.

ББК 28

*В оформлении переплета использован
портрет маорийского вождя (XIX в.)*

ISBN 5-9551-0211-6

© М. Б. Медникова, 2007
© Языки славянской культуры, оригинал-макет 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Татуировка: что это такое?.....	9
<i>Древняя универсальная традиция. Способ манипуляции человеческим телом. «Неизгладимые знаки». Разные способы нанесения татуировок. Основные идеи антропологов о происхождении татуировок. Татуировка с позиций «зооцентризма».</i>	
Глава 2. Источники исследования: археология, письменность, изобразительное искусство.....	27
<i>Немного о мумиях. Древнейшая мумия в альпийских горах. Тайны пустыни Такламакан. Феномен в горах Алтая. Естественнонаучные методы в изучении пазырыкских мумий. Психология звериного стиля. Фигуры геральдики и наследие наших далеких предков. Теперь немного о костях. «Гарри Поттер»: история ирама. Письменные источники. Татуировки в Библии. Священные тексты и сообщения древних авторов. Свидетельства средневековых летописцев. «Татуировки» в изобразительном искусстве. Орнаменты трипольских статуэток. Остров Пасхи: маленькие тайны огромных статуй.</i>	
Глава 3. Тело как текст	83
<i>Культура до культуры. Природный язык тела. Тайны красоты и законы восприятия. Луна и солнце. Семантика частей тела. Тело — дом — храм. Управляя телом — управляю мирозданием. Феномен человеческого тела и происхождение изобразительного искусства. Палеолитические Венеры. Части тела в наскальных изображениях. Рисунки на частях тела.</i>	
Глава 4. Историческая география татуировок.....	110
<i>Африка. Ближний Восток. Индостан и Юго-Восточная Азия. Северо-Восточная Азия. Японские острова. Борнео (Калимантан). Н. Н. Миклухо-Маклай о татуировках в Океании. Меланезия. Полинезия, Микронезия, Фиджи. Новая Зеландия. Австралия. Южная Америка.</i>	

Глава 5. «Rich man — poor man, begger man — thief»	151
<i>Моряки, пилигримы, изгои, бродяги, преступники. Люди в замкнутом пространстве. Soldiers, sailors. Begger Man — Thief. «От тюрьмы да от сумы не зарекайтесь» — а значит, и от татуировок. «Сакральное» пространство тюрьмы. Татуировка у якудза. Роль изоляции в активизации мифологического мышления.</i>	
Глава 6. Современность и традиция. Назад к истокам?	180
<i>Суть эпохи — глобализация. Одиночество в большом городе. Постфольклор как средство общения. Эkleктика побеждает... Экстремалы. Самобичеватели в исторической ретроспективе. Единственная альтернатива. Этнические мотивы. Да здравствуют кельты и японцы! Возрождение архетипа. Элитарные развлечения. Современные опасности.</i>	
Вместо послесловия. Что с нами происходит?	206
Литература	209

ПРЕДИСЛОВИЕ

На столе у каждого уважающего себя алхимика или философа в эпохи Ренессанса и Нового времени должен был стоять человеческий череп. Можно считать, что это было напоминанием о бренности всего сущего, весьма наглядным «*memento mori*».

Автор предлагаемой вашему вниманию книги по роду деятельности палеоантрополог, т. е. специалист, имеющий отношение к исследованию останков древних людей, прошел обратный путь, который можно условно озаглавить «от костей к философии». На самом деле, если говорить серьезно, антропология — наука о человеке, занимающая пограничное положение в системе естественных и гуманитарных дисциплин, по моему глубокому убеждению, способна решать самые существенные и актуальные вопросы нашей жизни.

Антропология универсальна: она систематизирует знания о происхождении биологического вида *Homo sapiens*, изучает его естественную историю и физическую организацию. В широком смысле это уже давно система наук о человеке, включающая и такие сферы изучения, которые долгое время существуют самостоятельно (например, этнология, археология и др.). Подобное понимание антропологии до сих пор сохраняется в некоторых научных школах, преимущественно англоязычных. Попытки объединить естественнонаучный взгляд на человека со знаниями о его материальной и духовной культуре, языке далеко не случайны, они восходят к философским взглядам французских просветителей XVIII в.

Возможно, именно сейчас, в начале XXI века, вновь становится особенно актуальным сведение вместе разрозненных и «специализированных» знаний, добытых представителями смежных научных дисциплин на протяжении двух столетий раздельного существования. Биологическая антропология способна только обогатиться, обратившись к данным археологии, этнографии, древней истории, даже филологии и фольклористики.

Действительно, отделить биологию от культуры, обсуждая феномен человека, исключительно трудно. К тому же, возможно, некоторые культурные явления прямо проистекают из нашей биологической сущности со свойственными ей физиологией и психологическими границами личности.

Само человеческое тело на протяжении всей истории нашего вида выступало независимым культурным феноменом.

Наглядным примером служат разнообразные свидетельства манипуляций, изменяющих внешний облик. Среди таких действий, возможно, первое место принадлежит татуировкам, как ни удивительно, не менее актуальным сегодня, чем тысячи лет назад.

Понять, почему это происходит, мы и будем стремиться. А для этого рассмотрим тело человека как явление мировой культуры, а татуировки — как важный исторический источник.

Иногда поэты в нескольких словах могут выразить то, чему ученым требуется посвятить объемные научные труды.

Илья Кормильцев в стихотворении «Атлантида», например, написал следующие строки:

ты узнаешь меня по тайному знаку
я узнаю тебя по перстню на пальце
наша память хранит забытые песни
мы умеем плясать первобытные танцы.

В известном смысле, мы все — немного «жители Атлантиды». Чтобы лучше себя понять, обратимся к свидетельствам о культурных модификациях человеческого тела в древности. Почему действия, направленные на трансформацию и даже разрушение собственной природы, были столь популярны в прошлом и опять возрождаются сегодня? И наоборот, на каком историческом этапе развития возникло неприятие этих явлений? Я попробую ответить на эти вопросы на страницах данной книги.

Глава 1

ТАТУИРОВКА: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Древняя универсальная традиция. Способ манипуляции человеческим телом. «Неизгладимые знаки». Разные способы нанесения татуировок. Основные идеи антропологов о происхождении татуировок. Татуировка с позиций «зооцентризма».

Оба пола рисуют на своих телах *Tattoo*, так называется это на их языке. Это делается введением краски черного цвета под их кожу, таким образом, что она не смывается. У некоторых бедно украшенные фигурки людей, птиц или собак; у женщин обычно просто знак вроде *Z* на каждом сгибе пальцев на руках и ногах. У мужчин тоже есть похожие и многие другие различные фигуры, например круги, кресты и т. д., которые имеют они на руках и ногах...

Их метод татуирования я должен сейчас описать...

*Из дневника капитана Джеймса Кука,
писанного во время его первого кругосветного плавания
на барке «Эндевор» в 1768—71 гг.*

Вопрос о происхождении татуировок вообще очень сложен и не входит в наши задачи.

С. И. Руденко

Что касается телесной красоты, то, прежде чем перейти к дальнейшему, я хотел бы знать, есть ли между нами согласие в определении ее.

Похоже на то, что мы не знаем, что такое природная красота и красота вообще, ибо приписываем человеческой красоте самые различные черты, а между тем, если бы существовало какое-нибудь естес-

твенное представление о ней, мы все узнавали бы ее так же, как мы узнаем жар, исходящий от огня. Но каждый из нас рисует себе красоту по-своему:

Turpis Romano Belgicus ore color

(Цвет лица белгов постыден для римлянина).

Мишель де Монтень, «Апология Раймунда Сабундского»

Древняя универсальная традиция

Прежде чем приступить к повествованию о татуировках в их историческом разрезе, нам предстоит определиться с некоторыми основными понятиями. Что может оказаться особенно важным для нашей книги? Какой багаж идей, накопленных учеными и мыслителями всего мира, лучше всего взять с собой в дорогу?

Первым делом, постараемся понять, в чем же заключается оригинальность условного современного человека по сравнению с его предшественниками. Изменился он или нет? Здесь мы будем иметь в виду не внешние изменения, хотя в работе о татуировках внешности, конечно, должно быть уделено первостепенное внимание. Нет, в данном случае речь идет о внутренней картине мира, диктующей нам многие действия.

По словам Мирчи Элиаде (2002), оригинальность и новизна современного человека по отношению к традиционным культурам — в его стремлении рассматривать себя как существо исключительно историческое, в его стремлении жить в Космосе радикально десакрализованном, то есть рациональном и потерявшем священный статус. По словам Ю. М. Лотмана (2001), история — вообще один из побочных результатов возникновения письменности.

Человека архаического история не интересует, его не интересует время, где все течет, все изменяется. Его мысли и дела занимает то, что мы можем в наш компьютерный век назвать Матрицей Первозданного Порядка. Его история Священна, она повествует о свершениях богов и героев-просветителей, и все происходящее лишь слепки с первоначальных событий, имевших место при сотворении мира.

Отсюда одно из важнейших различий между человеком архаической культуры и современным человеком — неспособность последнего проживать свою органическую жизнь как таинство. Совсем не таков человек традиционного общества. Элементарные физиологические явления становятся для него ритуалами, помогающими при-

близиться к реальности, освободиться от автоматических действий, лишенных содержания и смысла.

Наверное, поэтому манипулирование с телом в древности — неотъемлемый атрибут человеческой культуры. Чаще всего процедуры внешнего воздействия применялись при прохождении так называемых ритуалов перехода (при посвящении подростков, принятии в мужской союз, вступлении в брак, в знак траура).

В системе координат, помогавших представителям традиционных культур отсчитывать время, помимо космических реперов (наблюдений за движениями солнца, луны, звезд) основное место занимало пространство (иначе продолжительность) человеческой жизни.

С точки зрения биологии, период индивидуального развития или период онтогенеза человека подразделяется на раннее детство, отрочество, зрелость и старость. Каждый из этих этапов имеет четко выраженные психологические и физиологические особенности (мы все хорошо это знаем, наблюдая со стороны за своими детьми и родителями, братьями и сестрами). С социальной точки зрения время жизни человека традиционного общества тоже строго делилось на отрезки, наполненные разными ролями. Они во многом совпадали с периодами онтогенеза.

Рождается и растет ребенок. В традиционном обществе его достаточно поздно отнимают от груди. И вот уже первый самостоятельный возраст «от 2 до 5», когда вставший на ноги человек активно осваивает мир. Согласно архаическим представлениям, он еще не полноправный член родовой общины. Если, не дай бог, что случится, он и похоронен будет иначе, не так, как взрослые. Года в 4 возможны первые посвятельные обряды. Но чаще это происходит в 6 лет. От 6 до примерно 10 лет — в традиционном обществе «период второго детства». Дальше идут подростки, в некоторых культурах раньше, в некоторых позже их вводят в мир людей (именно просто людей, потому что полноправные люди только взрослые). (Рис. 1.1)

Человеческое тело полагалось «доделать», чтобы оно соответствовало своему новому общественному состоянию. Ведь чтобы стать подлинным человеком, необходимо тоже походить на мифическую модель. Забежим немного вперед и приведем один пример: в некоторых племенах (нуэр в Африке) 6-летним детям выламывали нижние резцы, «чтобы показать различие между человеком и животным». Заметим, что именно в 6 лет постоянные резцы сменяют молочные зубы.

Здесь знания о темпах биологического развития послужили основой для возникновения ритуала.

Рис. 1.1. Детство – особый период в жизни представителя традиционного общества. Человека предстояло «доделать».

Переход из одной возрастной и социальной категории в другую всегда сопровождался ритуалом, как правило, болезненным, и отождествлялся с подобием смерти и последующим возрождением в новом качестве (инициация подростков, вступление в брак). Точку перехода (испытания) можно, по-видимому, соотнести в иных терминах с точкой бифуркации, с моментом раздвоения сценариев жизни и смерти. Ведь, скажем, в случае подростковой инициации можно не выдержать сложностей посвящения. Зато благополучно преодолевшие ритуалы испытания получали новое имя и «новую жизнь». Это свидетельствует об ином восприятии смерти, точнее, о семантическом равенстве смерти настоящей и ритуальной. Смерть при посвящении означала одновременно конец детства, неведения и самого состояния непосвященности. Эта мистическая кончина не содержала отрицательного эмоционального заряда, наоборот, она несла идею тотального возрождения Космоса и племени.

Как заметил Элиаде (2002, с. 16), в архаической мысли ничто лучше смерти не выражает идею «конца», завершенности, как ничто лучше, чем космогония, не выражает «творение», «деяние». Космогонический миф как абсолютная идея строительства вселенной — объект для бесконечных подражаний. Копирование космогонического

творения во всех доступных формах обеспечивает гарантированный успех в любой созидательной деятельности.

«Воссоздание мифа» и происходило во время ритуалов посвящения. Причем посвящаемых условно можно делить на три категории. Первая — наиболее многочисленная, к ней относятся лица обоих полов, достигшие соответствующего возраста. Вторая категория — вступающие в тайный союз представителей одного пола (были в истории союзы мужские, но были и женские тайные общества). И, наконец, наиболее ответственные испытания предстояло перенести будущим специалистам в области сакрального — шаманам и колдунам.

Прошедшие обряды люди несли на своем теле, в прическах и одежде соответствующие знаки, обозначавшие их социальный статус и этническую принадлежность, т. е. своеобразный сакральный текст. Манипуляции с телом и их последствия имели огромное информационное и психологическое значение для жизни представителей общества традиционной культуры. Не исключено, что они вообще оказали исключительное воздействие на становление «разумного человечества». Считают же некоторые антропологи, что действия, сопряженные с манипулированием телом покойного сородича, помогали умерить агрессию еще питекантропам и стали важным фактором социализации уже на стадии эволюционного развития, предшествовавшей появлению *Homo sapiens sapiens*.

Феноменология тела находит неожиданный отклик в работах современного философа В. А. Подороги. Он предлагает мыслить образ тела в образах становления, как совокупность порогов: «объект», «мое тело», «аффект». «Мы в каждый конкретный момент являемся смешанными телами — состояниями... мы всегда пересекаем этот уникальный порог становления, изменяя дистанции, обрывая и возобновляя коммуникации с собой и с Другим, захватывая и отдавая свои экзистенциальные территории, преобразуясь из одних тел в другие...» (Подорога, 1995, с. 20).

Слишком сложно? Ну что же, попробуем начать иначе...

Способ манипуляции человеческим телом

Татуировка — один из способов манипулировать человеческим телом, включающий нанесение шрамов, рубцов, прокалывание, прижигание.

В отличие от других способов менять свою внешность, например, причесок или грима, татуировка, как правило, остается навсегда. Уже одно это слово «навсегда» должно привлечь наше особое внимание...

Следовательно, в глазах наших предков нанесение татуировок было делом не легкомысленным. Считается, что фактические доказательства практики татуирования в древнем мире распространены уже в IV тыс. до н. э. в Египте. На самом деле, по-видимому, эта традиция намного древнее и распространена гораздо шире — и в мире, давшем начало современной западной цивилизации, и на Востоке, и на бесчисленных островах мирового океана.

Европейские исследователи традиционных культур Африки, Азии и Океании составляли подробные этнографические описания, повествующие об обычаях местных народов покрывать свое тело сложными орнаментами. В то же время многие сугубо европейские традиции долгое время оставались недооцененными.

Современное слово «татуировка» («tattoo» в международном варианте) происходит от полинезийского слова «tatau».¹ Капитан Джеймс Кук, первым из европейцев, услышал и записал это выражение в 1769 году.

«Неизгладимые знаки»

Л. Я. Штернберг, написавший более ста лет назад соответствующую статью для крупнейшей российской дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона, назвал татуирование обычаем выводить на теле неизгладимые знаки. Главная особенность татуировок, в отличие, скажем, от окрашивания, заключается именно в том, что наносимые знаки становятся нестираемыми навсегда. Поэтому, если говорить о «непреходящести» как о главном критерии татуировки, то помимо введения под кожу красящих веществ к ней следует причислять и многие другие необратимые манипуляции с человеческими телами, вроде шрамирования, намеренного выбивания зубов или даже ритуальных ампутаций.

Собственно говоря, об этом писали уже первые исследователи феномена татуировок. Они обращали внимание на то, что заметный эффект в нанесении на тело узоров достигается разными способами

¹ Объяснений этому слову приводится множество. Один из возможных вариантов мы рассмотрим в четвертой главе.

у светлогокожего и темнокожего населения Земли. Действительно, введение красителей под кожу представителям негроидной расы или жителям тихоокеанских островов не может иметь такого эффекта, как у обитателя Северной Европы. Поэтому более употребительный и совершенный в художественном отношении способ татуировки для темнопигментированных граждан заключался в накалывании и рубцевании кожи специальными шильями, иглами, колючками, обломками раковин и тому подобными инструментами. По словам Штернберга, в таком виде татуирование напоминало процесс оспопрививания¹.

Разные способы нанесения татуировок

По мнению Л. Штернберга, самый первобытный инструмент для татуирования — природное острие колючки. Для создания сложных рисунков уже нужны другие приспособления, состоящие из соединенных в ряды остроконечников. Красящее вещество можно вводить под кожу разными способами. Краску втирают рукой по свеженаколотому месту или работают уже окрашенным инструментом, предварительно погружая его в соответствующий раствор. В некоторых традиционных культурах применяли устройство наподобие чернильной ручки.

Материалом для красителя очень часто служили угольный порошок, разведенный в воде, сажа от домашнего очага; позже — порох. Для получения разноцветных узоров использовали киноварь и тушь.

Иногда татуировки наносили без предварительной разметки. Но, поскольку любые ошибки здесь непоправимы, рисунок иногда намечался заранее углем или даже при помощи специального штампа.

В разных культурных традициях интенсивность татуировки и шрамирования существенно варьировала. Это касалось и площади воздействия на кожные покровы, и глубины проникновения инстру-

¹ Поколение молодых людей, рожденных в восьмидесятые годы XX века, уже не застало обязательных прививок от оспы. Пожалуй, это единственный пример успешной борьбы человечества против смертельного заболевания. Всеобщая вакцинация привела к исчезновению болезни даже в странах третьего мира, и Всемирная организация здравоохранения решила прекратить оспопрививание. Сейчас сложилась любопытная ситуация. Округлые шрамы на внешней стороне предплечья приобрели новое, информационное значение. Они действительно сблизались по смыслу с татуировками, будучи способными «выдать» возраст милового владельца шрама.

Рис. 1.2. Воин с Маркизских островов, XIX век.

ментов. В Японии, Новой Зеландии, на островах Пелау или на Формозе, на Маркизских островах узоры татуировки покрывали значительную часть поверхности тела, образуя живописный покров. (Рис. 1.2)

Многообразие традиций не облегчает работу этнографов, пытающихся интерпретировать феномен татуировки. К примеру, в некоторых племенах татуировки наносили только представителям одного пола, в других — были приняты разные знаки для мужчин и женщин, в третьих — общий племенной знак. Иногда татуировка была знаком профессии или конфессиональной принадлежности.

Часто, по мнению европейских очевидцев, процедура нанесения неизгладимых знаков «у первобытных народов» производилась с намеренной жестокостью. (Причины такой жестокости мы рассмотрим позже.)

Наиболее болезненна скарификация или шрамирование, поскольку вместо точечных уколов эта манипуляция сопряжена с разрезанием кожных покровов. Намеренно растравляя такие раны, представители некоторых традиционных культур добивались эффекта выступающих над кожей рельефных рубцов. Использование краски при таком методе татуирования совсем не обязательно, оно диктуется лишь культурными традициями.

Нанесение клейма, т. е. выжигание раскаленным металлом, еще один способ нанести на тело неизгладимый знак. Способ известен с глубокой древности, например, применялся носителями вучедольской археологической культуры в III тыс. до н. э. на Балканах (Медникова, 2001, 2004). Клеймение или, как раньше говорили, клеймование имело широко распространение среди африканских народов.

Еще один весьма болезненный вариант — прошивка кожи с последующим извлечением ниток. Иногда эти нитки предварительно обмакиваются в краску.

Но самый ужасный, по словам Штернберга, способ произведения неизгладимых знаков на теле связан с разными формами калечения. В результате делаются отверстия в щеках, носовой перегородке, губах, отрываются суставы на пальцах, выбиваются, обтачиваются или инкрустируются зубы и т. п. Самая безобидная разновидность пирсинга, перфорация ушной раковины, известная всем, кто носит сережки, в туземных культурах иногда доходит до такой крайности, что мочки ушей опускаются на плечи. (Рис. 1.3)

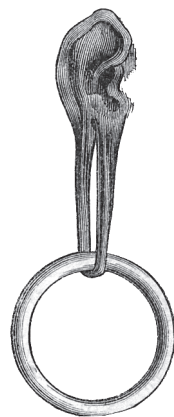

Рис. 1.3. Растягивание мочки уха у аборигенов Борнео.

Основные идеи антропологов о происхождении татуировок

Первоначально антропологи, пытаясь объяснить происхождение татуировок, обращали основное внимание на декоративное значение рисунков. В этом смысле несмыаемые знаки рассматривались как закономерный итог эволюции идеи окрашивать тело или как постоянное украшение, которое не надо обновлять.

Эти взгляды в полной мере проявились в переведенной с французского энциклопедии «Человек и земля» (1906), в тексте, не менее цветистом, чем причудливые узоры самой татуировки: «...Первобытный человек применял искусство и к своей собственной персоне. Существуют племена, которые не носят одежды, но никогда еще не приходилось встречать племен, которые бы не украшали свое тело; если вообще и имеются представители человечества, которые живут в одиночку, изолированно и не стараются себя украсить, то, несомненно, таких людей можно найти разве лишь в среде каких-нибудь злодеев или людей, во всем отчаявшихся. В обычной жизни, как в прежние времена, так и теперь, человек постоянно старается нравиться другим или, по крайней мере, любит сам собой. Человек по природе своей не располагает такими вспомогательными ресурсами, какими обладают звери, птицы и пресмыкающиеся, у которых в течении периода любви вырастают украшающие их перья или появляется яркая окраска. Ему недостаточно ярких взоров, обаятельных улыбок, чувства своей силы и здоровья: ему необходимы еще особые прически и внешние украшения. Действительно, первобытные люди нисколько не меньше заботятся об украшении своей персоны, чем самые отъявленные фаты цивилизованного общества; нередко им случается проводить целые часы при создании своей сложной прически, и они гораздо сильнее увлекаются модой в выборе перьев, булавок, стекляшек и материй для украшения своего тела, чем охотой и войной. С каким наивным благоговением поворачивается во все стороны дикарь, чтобы показать все то великолепие красок, ярких и кричащих, которыми он изукрасил свои члены! Жирная земля, различные сорта глины, охры, а в тропических областях, особенно в Южной Америке, красящие плоды, например, генипа и руку, являются между объектами торговли одними из наиболее ценных. Украшения и узоры на теле различаются не только сообразно с материалами, доставляемы-

ми различными странами, но также и сообразно с формой прически и цветом лица; сами художники, опытные в кокетстве, умеют согласовать ту или другую окраску и производимый ею эффект со всеми этими условиями. Ко внешним средствам, служащим для того, чтобы делать себя более красивыми или, в других случаях, более страшными, первобытные люди присоединяли и до сих пор присоединяют во многих странах производство на теле неизгладимых отметин, делание рубцов и надрезов, удаление частей тела, татуировку и раскрашивание тела». (Рис. 1.4)

Этнограф Ф. Кох-Грюнберг описывал раскраску тела индейцами Южной Америки в следующих выражениях: «Молодежь раскрашивает себя почти каждый день, и встречаются настоящие дэнди, которые занимаются изобретением новых рисунков и тратят на свой туалет не меньше времени, чем европейская девушка, собирающаяся на бал» (Народы мира, 1916, с. 68).

Татуировка казалась характерной традицией «первобытных» народов, живших к моменту их знакомства с европейскими путешес-

Рис. 1.4. Спутник адмирала Крузенштерна Вильгельм фон Тиленау запечатлел калифорнийских индейцев в ритуальной раскраске (1806 г.).